

в расколе, в сектах обнаружила «пламенеющую страстность», стремление «сгинуть в метафизическом».

Не уяснив смысла религиозного движения, заключал Шпенглер, не разгадать «ни Толстого, ни нигилизма, ни политических революций», не понять будущего. А смысл этот был Шпенглеру, в отличие от Бердяева, непонятен (*Маджаров А.С. Религиозный раскол Русской православной церкви: концепция Н.А. Бердяева // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2011 № 1. С. 170–178*).

Шпенглер надеялся создать концепцию, которая будет работать применительно ко всем странам и народам, а пришел к исходному вопросу: «Чего следует ожидать от будущей России?» (*Шпенглер Освальд. Указ. соч. С. 735*).

Т.А. ЯКОВЛЕВА

**В ГОД ИСТОРИИ РОССИИ — К ИСТОРИИ
ПРОТИВОРЕЧИЙ РОССИЙСКИХ РЕФОРМ
(к разработке учебного курса
«История и теория модернизации в России»)**

2012 г. объявлен президентом России годом российской истории. Но первичная радость и надежды историков по этому поводу довольно быстро сменились апатией и тихим отчаянием. Отчаяние укрепляется пониманием необратимости кризиса современной исторической науки и исторического образования в России. Кризис проявляется в избытии сомнительных реформ и нововведений, массовом непрофессионализме, переписывании и переделке истории, доступности исторических данных для огромного количества людей благодаря Интернету. Действительно, в обществе почти сформировалось новое историческое сознание, мозаичное, далекое от научности и объективности. В одной из публикаций в журнале «Родина» оно названо новой исторической культурой (*Тишков В. Интернет как историческая проблема // Родина. 2011. № 6. С. 57*). Это бьет по истории, мешает знать ее и учиться у нее. В условиях такой «новой исторической культуры» надежда, что власть все же сможет извлечь уроки истории, становится еще более призрачной. Многие соглашались с тем, что власть проявляет нежелание и неумение думать о логике исторического развития, о законах общества, о самом главном — об интересах людей. А значит, год российской истории вряд ли станет настоящим уроком жизни.

И все же не стоит бросать попыток оживить возможности исторической науки в год истории. Учебный курс в высшей школе «История и теория модернизации в России» привлекает многих авторов возможностями изучения, как альтернатив развития, так и взаимоотношений влас-

ти и общества. Обращение к опыту российских реформ на протяжении разных исторических эпох, как яркому проявлению непонимания властью законов исторического развития и неумения думать об интересах людей, придает уверенность, что так в России было всегда. При отборе и анализе исторического материала для этого курса, отчетливо наблюдается общая картина противоречий и последствий всех российских реформ. Огромной бедой всех преобразований были социальные потрясения. Вмешательство в естественный исторический процесс чаще всего приводило к еще большей консервации и торможению развития, к значительным социальным жертвам. Почти каждая российская реформа означала для России социальную катастрофу. В период таких катастроф резко снижался уровень нравственности, терялась духовность и мораль. Общество выступало оппозиционно по отношению к власти, что усиливало кризис государственности. После катастроф наступали периоды либерализации, «оттепели». Новые реформаторы стремились к улучшению жизни населения, но делали это на прежней основе, что приводило к очередной неудаче. Дискредитация власти способствовала отказу общества от поддержки такой власти. Отказывали в поддержке даже те социальные группы, интересы которых, казалось бы, эта власть выражает. В исторической литературе такой парадокс российской государственности называют социокультурным расколом. Предлагаемый обзор наиболее ярких противоречий российских реформ, хотя бы на уровне первичного приближения к проблеме, позволяет еще раз вспомнить и доказать это.

Впервые в истории России отчетливо проявилось расхождение модернизационных процессов в государстве и обществе, закончившееся социокультурным (цивилизационным) расколом, в период имперской модернизации Петра I. Исторический подъем России происходил при остром соперничестве с прогрессирующей цивилизацией Запада, что определяло необходимость форсированных заимствований. Создание и содержание армии требовало огромных затрат, доходивших в петровские времена до 85% национального дохода. К расходам на ведение войн добавлялись расходы на обустройство завоеванных территорий. Это явилось причиной проведения соответствующей налоговой реформы, когда налоги стали брать не со двора, а с человека. Усилилась эксплуатация традиционными методами, ужесточился процесс всеобщего закрепощения. Система выбивания налогов, рекрутских наборов, организации общественных работ, различных запретов требовала ужесточения контролирующих и карающих функций управления. Преобразования Петра I были примером радикальных реформ, проведенных государством без поддержки и при сопротивлении общества (Хорос В.Г. *Русская история в сравнительном освещении*. М., 1996. С. 37). В обществе накапливались острейшие противоречия. Превращение России в

европейскую державу произошло ценой обнищания и закабаления основной массы населения. Увеличение податей втрое, сокращение населения на одну пятую, массовое бегство крепостных, реформы доставались дорого. Прикрепление каждого россиянина к месту жительства и месту службы сократили пространство свободы, расширившееся в это время в Европе. Подавлению личности государством способствовала и церковная реформа Петра, лишившая подданных духовной альтернативы государственной идеологии. Вместо формирующегося в Европе гражданского общества с рыночной экономикой, Россия после Петра представляла собой военно-полицейское государство с огосударствленной монополизированной крепостной экономикой. Быть русским и православным было теперь недостаточно, нужно было еще стать «слугой Отечества». В эпоху Петра I прочно утвердилась вера в возможность достижения прогресса путем насилия, что определяло последующую политику как социально неэффективную.

Другой значительный пример подавления государством интересов общества можно наблюдать в период реформ Александра II. Великие реформы до сих пор остаются в центре внимания общественности, в 2012 г. ожидается проведение нескольких научных конференций, посвященных 150-летию Великих реформ. Реформы, в целом, оцениваются как наиболее успешный пример правовой модернизации традиционного общества (*Медушевский А.Н. Великая реформа и модернизация России // Российская история. 2011. № 1. С. 4*). Но здесь тоже необходимо сомнение. Среди социальных противоречий капиталистической модернизации России наиболее тяжелыми для населения были условия и последствия освобождения от крепостного права. Результатом всех споров в 1861 г. стал компромиссный вариант реформы — освобождение крестьян с землей, но за выкуп, растянутый на полвека. Компромисс требовал и другой уступки традиционализму — сохранения крестьянской общины как гаранта всех крестьянских платежей. Ликвидация крепостного права была непоследовательной, сохранялась хозяйственная и правовая зависимость крестьян от помещиков. Всю тяжесть выкупа земли правительство возложило на крестьян. После реформы большая часть крестьян стала жить хуже, чем до нее. В распоряжении крестьян теперь было меньше земли. Во второй половине XIX в. крестьянин покрывал за счет хлебопашества лишь четверть своих потребностей. Развитие товарных отношений в деревне было связано с необходимостью продажи своей продукции для уплаты долгов за счет сокращения собственного потребления. На рынок крестьянина гнала нужда. Крестьянская реформа не создала в России слой мелких собственников, наоборот, она укрепила общинную структуру, передав общине собственность на землю. Такая реформа создавала лишь некоторые предпосылки для капиталистического развития, но не обеспечила системного его разви-

тия. Остальные реформы, которые мыслились как системные, системы также не создавали. Благодаря этим реформам Россия становилась капиталистической, но не стала. Капитализм в России развивался как тенденция, но не как система. Разорение и обнищание большинства крестьянства в пореформенный период доказывают нерешенность аграрного вопроса в России.

Наращение противоречий в конце XIX в. вызывает необходимость новой попытки модернизации России, которую проводил С.Ю. Витте. Он осуществлял индустриальную модернизацию, создавая отечественную промышленность за счет иностранного капитала. Перевод России на золотой стандарт надолго снизил цены на продукты, понизил заработную плату рабочих, повысил цены на аренду земли, так как из-за низких цен на свою продукцию, крестьяне пытались увеличить свои доходы за счет дополнительной аренды земли. В деревне происходила резкая дифференциация крестьянства. Негативные процессы коснулись промышленности. К 1900 г. почти все отрасли российской экономики находились в кризисе, банкротства компаний следовали одно за другим. Противоречия индустриальной модернизации С.Ю. Витте проявились в известном алгоритме: введение конвертируемости русской валюты — вывоз капитала из России — спад отечественного производства — экономический кризис 1903 г. — первая русская революция 1905–1907 гг. С.Ю. Витте с сожалением замечал, что все результаты индустриализации России «съедает» вывоз капитала и аграрный кризис. Путем разорения российской экономики денежная реформа С.Ю. Витте приблизила страну к революции (*Дубянский А.Н. Денежная реформа С.Ю. Витте. Негативные аспекты введения в России золотого рубля // Экономическая история России XX века: проблемы, поиски, решения: Ежегодник. Вып. 2. Волгоград, 2000. С. 99*). Не отрицая явные признаки модернизации в России, прежде всего углубление капиталистических и индустриальных тенденций развития, конечный итог модернизации означает ее поражение, модернизация отторгалась обществом.

В начале XX в., усвоив уроки революции 1905 г., П.А. Столыпин предложил целостную программу модернизации России на капиталистических принципах. Реформа П.А. Столыпина должна была хирургическим путем убрать крестьянскую общину, освободив место капитализму. Но все оказалось иначе. По данным Вольного экономического общества, за 1907–1915 гг. из общины вышли 2 млн семей. Это 10% крестьянских семей России, что для огромной России немного. Переворота реформа Столыпина не сделала. Реформа не создала таких условий, чтобы процесс втянул в себя большинство крестьянства, пусть и после сопротивления. Модернизация через превращение крестьян в фермеров неизбежно выбрасывает из общества большое количество крестьян. Если крестьяне России, составлявшие в начале XX в. 85% населения,

сопротивлялись реформе, значит «развитие капитализма» в России противоречило их основным интересам. В каждой крестьянской семье была жива память о голодном годе, когда община спасала жизнь. Гарантии выживания ценились крестьянами выше свободы. Как говорили крестьяне: «Если разрушить общину, нам и милостыни не у кого будет попросить» (*Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Книга первая. От начала до Великой Победы. М., 2002. С. 22*). Такая реформа могла привести только к началу социальной войны в деревне и к революции. Общим итогом всех реформ самодержавия стал тупик капиталистической модернизации для России, крестьянская община переварила все эти реформы, вытолкнула европейский капитализм и приблизила победу социалистической революции.

Позволим некоторые замечания и по поводу сталинской модернизации. Образ репрессий в 1930-е гг. до сих пор оказывает воздействие на общественное сознание, оставаясь мощным инструментом политики. По мнению С. Кара-Мурзы, репрессии 1937–1938 гг. в большой мере были порождением не государственного тоталитаризма, а глубокой общинной демократии, община легко верит во врагов народа. Репрессии 1930-х гг. происходили в период состояния сильнейшего эмоционального стресса в обществе, высокого духовного напряжения, вызванного перегрузками XX в. (*Там же. С. 511*). Главным же в сталинской модернизации было превращение человека с крестьянским типом мышления в человека современного индустриального общества, оперирующего пространством и временем (планы-пятилетки), способного овладеть сложной производственной и военной техникой. Запад создавал такого человека веками, в СССР в период сталинской модернизации на это ушло 10 лет (две пятилетки), отсюда такая жесткая социальная цена.

Завершают обзор противоречия радикальной рыночной модернизации в России, которые занимают самые высокие позиции рейтинга в списке наиболее тяжелых для населения реформ. В 1990-е гг. Россия вновь сделала попытку встраивания в европейскую цивилизацию с помощью форсированного перехода к рыночной экономике. Основные экономические последствия, чаще всего указываемые в научной литературе: спад производства, зависимость российской экономики от Запада в лице международных финансовых организаций, массивный вывоз капитала. Вывоз капитала с начала реформ и до 1999 г. оценивался до 150 млрд дол., а возможно, и более (*Воронин Ю.М. Стреложенная Россия. М., 2003. С. 89*). Нарушение экономических связей между регионами и распад единой хозяйственной структуры, разрушение экономической базы российского суверенитета. По многим социально-экономическим параметрам Россия соответствует слаборазвитым странам, по выраженной топливно-сырьевой структуре экспорта, по пятидесятипроцентной импортной зависимости в снабжении населения продовольствием,

массовой нищете и безработице, проценту душевных заболеваний и самоубийств. Добавим резкое снижение уровня жизни для большинства населения, (75% населения России в конце 1990-х гг. с минимальным уровнем материального обеспечения, 40% — за чертой бедности), многомиллионные потери населения. Установившееся в России воспроизводство населения характерно для войны, а не для мирной реформы: высокая смертность, низкая рождаемость, сокращение продолжительности жизни. Большинство населения лишено собственности и доли в совокупном валовом продукте, что привело к отстранению их от участия в системе власти. Это реформы разрушения.

Поставленный вопрос об общих исторических противоречиях реформ в России состоит не в выборе между социализмом и капитализмом, а в том, как либерализация проявляется там, где нет гражданского общества. Заимствование западных либеральных идеалов не способно стать идейной основой, объединяющей российское общество. Радикальность, форсирование, разрушительность и тяжелейшая социальная цена реформ уходят корнями в глубокое историческое прошлое России. Но надежда жива, и не столько на призрачное духовное возрождение, сколько на жесткую научную основу всех реформаторских проектов, прежде чем они начнут приниматься властью, с рассмотрением альтернативных вариантов, с нейтрализацией всех негативных последствий. Что кроме истории научит власть урокам жизни или накажет за незнание?